

Виктор Руденко

Владислав Плигин: «ГОРЖУСЬ ТЕМ, ЧТО СЛУЖИЛ В АФГАНИСТАНЕ»

Очерк

Виктор Григорьевич Руденко родился в 1966 году в селе Белозорово Алексеевского района Белгородской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, бизнес-школу при ВГУ. Срочную службу проходил в Афганистане. Работал в редакциях воронежских областных газет «Молодой коммунар» — зам. главного редактора, «Коммуна» — главным редактором. Автор документальных книг «Прощай, шурavi», «Особая миссия». Член Российского Союза ветеранов Афганистана. Имеет государственные и ведомственные награды. Лауреат премии Правительства РФ в области СМИ. Живет в Воронеже.

Биографическая справка: Плигин Владислав Григорьевич (1938–2023), генерал-майор в отставке. Родился в Омске. Учился в Омском военном авиационном училище летчиков (1955–1956). Работал токарем, слесарем, контролером на Омском моторостроительном, авиационном заводах (1956–1963). Окончил вечернее отделение Омского машиностроительного института (1963), школу при КГБ СССР (1964). Работал на различных должностях в УКГБ СССР по Омской области (1964–1978.), по Красноярскому краю (1978–1981). Дальнейшая служба: зам. начальника УКГБ СССР по Амурской области (1981–1987). В Республике Афганистан — с августа 1987 г. по февраль 1989 г. Зам. начальника УКГБ СССР по Воронежской области (1989–1991), начальник УФСБ России по Амурской области (1991–1999). Награжден орденами Красной Звезды, «За военные заслуги», орденом РА «Дружба народов», медалями «За отличие в охране Государственной границы СССР», «За строительство БАМ», юбилейными. Почетный сотрудник контрразведки. С 1999 г. постоянно проживал в Воронеже.

О Владиславе Григорьевиче Плигине знающие его люди говорили: нетипичный генерал. Он, конечно, был «стопроцентным» генералом, с приличной выслугой лет, боевым прошлым, опытом руководства территориальным управлением госбезопасности страны в одном из стратегических регионов, но при этом обладал весьма мягкими, интеллигентными манерами, которые, как мне представляется, вряд ли кто соотносил с его работой и должностью.

Однако же не каждому оперу удается дослужиться до генеральского чина, а значит, в его манере держать себя, общаться с людьми спокойно, интеллигентно, деликатно было что-то такое, что вовсе не противоречило принципам работы в чекистской структуре. Это первое наблюдение. И второе: с каким уважением к нему относились его бывшие коллеги. Все уже седые, всех уже давно величают ветеранами, но к Плигину подходили почтительно, как к старшему, потому что он для них и на пенсии оставался Генералом.

В любой ситуации, даже самой сложной, важно остаться Человеком. В разговоре со мной генерал Плигин не произносил этих слов, но за его рассказами о службе в органах госбезопасности, в Афганистане присутствовал именно такой императив. И, видимо, этим объясняется такое уважительное отношение к нему всех его знающих людей.

Поводом для нашего знакомства и разговора стал Афганистан. Но когда мы начали говорить о войне, я понял, что не смогу в полной мере понять мотивации его поступков, если не узнаю, что у этого человека было до и после...

В Афганистане воевала молодежь. Это утверждение, не требующее доказательств. Плигин в свои 50 лет был для них «стариком». Хотя чувствовал ли себя он таким — это еще вопрос.

— Как вы попали в Афганистан?

Мой собеседник улыбался в ответ:

— Занимал должность заместителя начальника УКГБ СССР по Амурской области. И как-то звонит мне кадровик из Москвы и говорит: тебя вычислила машина, ехать тебе в Афганистан... Тогда компьютеры только входили в моду, но в КГБ они уже использовались для подбора кандидатов по определенным критериям. Про себя подумал: в Афганистан — так в Афганистан... Мне сразу сказали, что направляют на должность в советническом аппарате, требующую большого организационного и оперативного опыта. В общем, не в боевые части, где нужно ползать по горам, а именно на оперативную работу.

— А можно ли было в вашей структуре, в вашем возрасте, скажем так, уклониться от командировки?

— Мне такая мысль даже в голову не проходила. Меня так воспитали: я должен служить Родине там, где этого требуют обстоятельства. И потом — я с детства был приучен к тому, что чему быть, того не миновать. Если тебе суждено стогреть, то ты не утонешь. Отнесся к новому назначению достаточно философски. Хотя война есть война, и на ней все может случиться.

ГОДЫ ВОЕННЫЕ, ПАМЯТНЫЕ...

Владислав Плигин — из поколения мальчишек, родившихся до войны. Они не воевали, не работали на производстве: просто по возрасту не подходили, но лиха хватило наравне со взрослыми.

Своего отца помнит только по фотографиям. Два года ему было, когда отца призывали в Красную Армию на срочную службу, потом началась война. В 1941-м сначала пришло извещение, что красноармеец Плигин пропал без вести, а потом — и похоронка. Остались они втроем — трехлетний мальчик, мать и бабушка.

Зато очень хорошо помнит май 45-го. И слезы, и радость! Народ ликовал, хотя

Владислав Григорьевич Плигин

милицией. Но нужно отдать должное — или матери, или учителям, или друзьям: пройдя через подростковое хулиганство, поиски себя, в жизнь мы вышли нормальными, законопослушными людьми. Думаю, что немалую роль сыграли нравственная обстановка в обществе и тот подъем, который чувствовался после Победы. Понимал, что отец погиб за правое дело, мать всю войну надрывалась на железной дороге, чтобы прокормить меня с бабушкой, стала инвалидом, и в такой обстановке я не мог вырасти недостойным памяти отца, подвести маму. Как и многие мои ровесники... А тот опыт общения с представителями разных слоев мне потом еще как помог в работе!

И что еще хочу сказать: война, бедность, но мы не считали себя в чем-то обделенными. Детство бедное, но полное: да, война, да, жили впроголодь, но наша жизнь все равно была интересной! Футбол, хоккей, танцы, театр, книги — время заполнено до предела!

Я выступал за сборную команду города по хоккею, участвовал во множестве соревнований. А еще мы соперничали друг с другом в том, у кого больше книг. 10-15 экземпляров — уже считалось серьезной библиотекой, поводом для гордости. Нас никто не заставлял читать. Когда матушке было меня заставлять, если работа — сутками, я был предоставлен сам себе, но это и приучало к самостоятельности, ответственности. В ребячьей среде той поры, выражаясь современным языком, было престижно рассказывать о прочитанных книгах.

Ходили в театр, и не просто ходили, а работали там летом. К нам приезжали с гастроллями из Перми и Свердловска, мы и разгружали декорации, и играли в масках. В общем, все спектакли знали, как говорится, изнутри. Нам платили за постановки по 5-10 рублей — большие деньги для подростка! Выдавали удостоверения, что мы работники театра. С каким шиком показывали его вахтерше на входе в городской парк!

А футбол? Выпрашивали у матерей береты, набивали тряпками и гоняли такой «мяч». Потом появились ниппельные мячи со шнуровкой, такие тяжелые, когда намокнут, но это уже был настоящий футбол! «Качались», до тысячи раз приседали. Доски в заборе — если одним ударом выбиваешь, считалось, что хорошо удар поставлен! Хулиганство, конечно, но подростками все проходили через это...

горечь потерь была еще свежа. Сколько людей — чьих-то отцов, братьев — не вернулось с войны! 9 Мая бабушка отвела внука в церковь крестить! Она мудро решила, что именно в такой святой для народа день внучок должен обрести и духовного покровителя.

В комсомол Владислава Плигина приняли в тот день, когда умер Сталин. Вот такая магия чисел!

— Если бы не тот массовый прием в комсомол — была тогда такая традиция, — то меня бы, наверное, никогда не приняли бы в молодежную организацию, — рассказывал мой собеседник.

— Почему?

— Слишком был боевой, хулиганистый. Район, в котором мы жили с матерью, рабочий: бараки, беднота. Наш дом деревянный стоял рядом с трамвайными путями — идет трамвай, дом трясется... Все, кто жил в рабочих кварталах, часто были «по разные стороны баррикад» с милицией.

В 9-м классе Владислав Плигин закончил планерное отделение аэроклуба, в 10-м — пилотское, летал на Як-18. Мало кто помнит, ведь именно планерные школы аэроклубов, возникшие в 30-е годы, помогли в годы войны подготовить достаточное количество боевых летчиков для действующей армии.

Владислав Плигин был влюблен в небо и, естественно, после школы другого пути, кроме как в Омское летное училище, и не представлял. Поступил, освоил несколько типов самолетов. Летал на Як-18, Ил-28, реактивном самолете ближней фронтовой авиации. Но тут грянула хрущевская реформа Вооруженных Сил, безжалостно прошедшая по армии. И закрыла для будущего летчика дорогу в небо. Так Плигин не стал боевым летчиком.

Началась новая страница в его биографии — сначала моторостроительный, потом авиационный завод, вечерний институт. Слесарская специальность, токарное дело — у него все получалось! Парня определили контрольным мастером. Вместе с дипломом он должен был получить и новое назначение — начальником службы контроля качества продукции в одном из цехов. Но завод-то военный, и на перспективного парня давно уже обратили внимание кадровики из КГБ. Так он, быть может, не стал директором завода.

— Что вспоминается из детства?

— Конечно же, День Победы, 9 Мая 1945-го. Думаю, что у всех, кто застал этот день, он навсегда останется в памяти. Помню продуктовые карточки, как стояли с ними в очередях. А еще снижение цен, которое проходило после войны ежегодно 1 апреля: хоть на копейку, но снижали — на хлеб, мыло, на другие товары. Из аэроклубовской поры помню первый полет на планере, прыжок с парашютом, самостоятельный взлет. Такое не забудешь!..

ДУМАТЬ О РАБОТЕ, А НЕ ОБ ОПАСНОСТИ!

Весной 1987 года группу будущих советников для афганских структур безопасности, в составе которой был и Владислав Григорьевич Плигин, направили на краткосрочные курсы в ПГУ КГБ СССР.

— Учились, — вспоминал собеседник, — не по учебникам, а в основном по оперативным материалам, поступавшим из Афганистана: какая обстановка складывается в стране, какие отношения необходимо строить с губернаторами, с подсоветными, с руководством партии? При этом задача ставилась вполне определенная: научить сотрудников органов афганской госбезопасности самостоятельной работе.

Курсы закончились в июле 1987 года, а в августе Владислав Григорьевич уже прилетел в Кабул. Ожидал назначения в Кундуз, но неожиданно его направили в город Фарах, на юго-запад страны, руководителем оперативной зоны, охватывающей провинции Фарах и Нимроз. Таких оперативных зон по линии госбезопасности всего было 11. Представительство КГБ СССР в Афганистане в то время возглавлял Владимир Павлович Зайцев (он был известен под фамилией Быстров).

Дополнительная информация

Провинция Фарах

Административный центр: г. Фарах.

Площадь: 48471 кв. км.

Население: 470900 чел. (на 2004 г.)

Находится на западе Афганистана, у иранской границы; соседствует с провинциями Герат и Гильменд.

Районы: Анар Дара, Бала Булук, Баква, Гулистан, Кала-и-Ках, Кхаки Сафед, Лаш Ва, Жувайн, Пур Чаман, Пушт Род, Фарах, Шиб Кох.

ru.wikipedia.org

Первое впечатление после знакомства с провинцией Фарах у Владислава Плигина отложилось в памяти четко: жуткая нищета! Что говорить, если даже мясные блюда вроде наших пельменей делают, добавляя любую съедобную траву типа сельдерея, шпината...

Кроме фруктов, которые росли в изобилии в «зеленке», да выращивания скота никаких других источников для существования у местных жителей не было! В провинции всего 23 тысяч гектаров пахотных земель, все остальное — пустыни и горы. Другая сторона «медали» — тут же рядом находящиеся дуканы, набитые радиотехникой, одеждой из Индии, Пакистана, Ирана, которых не найдешь ни за какие деньги в СССР.

С чего начал работу оперативник? Познакомился со своими подчиненными в Фарахе. Встретился с губернатором, со своим подсоветным — начальником МГБ провинции генералом Рафиком, — с советскими советниками по линии партийной, комсомольской, милиции (царандоя). Изучил материалы, касающиеся экономики провинции, отношения населения к государственной власти, состава группировок моджахедов.

— Нас было немного, — вспоминал Владислав Григорьевич. — В мою оперативную группу входило девять человек плюс пять шифровальщиков, так называемый «экипаж», отдельное подразделение из солдат срочной службы. В Нимрозе была такая же группа (семь человек), руководил ею Александр Петрухненко из Воронежа. Обе группы в Фарахе и Нимрозе подчинялись мне.

Все мои подчиненные были офицерами, только помощник дежурного коменданта — прапорщик, Николай из Подмосковья. Старший оперативный сотрудник — Талгат Амиргалиев, грамотный парень, он был у меня заместителем, впоследствии работал в КГБ Казахстана. Оперативные сотрудники: Виктор Андреевич Духно, Самат Мыштамбаев — оба из Казахстана, Николай Кольцов из Ленинграда, Ачилов Ахмет Джан из Ташкента, А.М. Бухтий, А.И. Желтовский, В.В. Искрицкий, В.Н. Савченко.

Как руководитель группы я работал непосредственно с начальником управления МГБ провинции Фарах. Мои сотрудники были закреплены за руководителем отделов.

Афганское удостоверение советника В. Плигина

Дополнительная информация:

Провинция Нимроз

Административный центр — г. Зарандж.

Площадь: 41 000 кв. км.

Население: 149 000 чел. (на 2002 г.)

Находится на юго-западе страны, на границах Ирана и Белуджистана. Из тридцати четырех провинций Афганистана — самая малонаселенная.

Районы: Чахар Бурджак, Чахансур, Канг, Хаш Руд, Зарандж.

ru.wikipedia.org

На Афганскую войну Владислав Григорьевич Плигин в отличие от многих своих коллег попал уже в зрелом возрасте. И если для молодых война и сопутствующие ей трудности, прежде всего — испытание характера: стойкости, смелости, умения противостоять обстоятельствам, то для людей, уже проживших и немало повидавших на своем веку, это в определенной степени повод задуматься о прожитом, задать себе вопросы: тому ли ты делу себя посвятил, успел ли в жизни сделать что-то стоящее, нравственно ли жил? Быть может, иначе вопросы формулировались в голове, но они все равно, наверное, у каждого были.

— Когда ты попадаешь в Афганистан, то с первых минут чувствуешь, что ты на войне. Это ощущение буквально висит в воздухе, — рассказывал бывший советник. — Но показывать, что ты боишься, нельзя, это не по-мужски. Помню, приехал к нам как-то новый начальник «экипажа», в это время начался обстрел, засвистели зрэсы, он сразу же на землю упал. Вот в таких ситуациях и проявляется человеческая сущность... Не стану говорить, что мы с каким-то фатализмом думали о том, что сегодня ты есть, а завтра тебя нет — этого не было. Но то, что ты находишься не в мирной обстановке, было понятно сразу и накладывало отпечаток на работу, поведение. И не для окружающих — для себя важно было вести себя так, чтобы потом не было стыдно, чтобы не мучила совесть.

Человек привыкает ко всему, в том числе и к войне. Начинаешь работать, чувствуешь ответственность не только за себя, но и за других, втягиваешься и уже не думаешь об опасности. Думаешь о работе.

ЗАВЕТНАЯ ТЕТРАДЬ

У Владислава Григорьевича была «заветная тетрадь» — обычная тетрадка в 12 листов, которую он завел еще в 1987 году в Фарахе и которую сохранил среди самых дорогих афганских реликвий. Рабочие планы, записи-пометки на каждый день, сделанные на ходу исключительно для себя. Видно было: эти записи представляют для ее обладателя реальную ценность. Ведь память человеческая не вечна, а эти короткие и обрывистые строчки помогали вновь вернуться к памятным дням.

Генерал, листая тетрадку, вспоминал:

— Какими только вопросами не приходилось заниматься: оперативными, боевыми, кадровыми, хозяйственными... С чего обычно начинался день? Афганцы докладывали о текущей обстановке в провинции. Что нас интересовало? Имеется ли информация о новых «духовских» караванах с оружием, ожидаются ли какие-то акции моджахедов? Какие мероприятия намечены? Со сколькими банд-группами подписаны протоколы о сотрудничестве и со сколькими отрядами ведется работа? Какая ситуация с оперативно-боевыми отрядами МГБ?

С этими отрядами была большая морока: из них бежали солдаты, набранные из дальних кишлаков. Причем дезертирство носило массовый характер. И хотя уходили не к «духам», а домой, в дальние кишлаки, беспокоясь о своих семьях,

но тем самым сильно подрывали боевой уровень батальонов. Те, кого набирали в отряды в Фарахе, никуда не бежали. Оперативные отряды МГБ участвовали в операциях против «духов» наряду с афганскими регулярными армейскими подразделениями.

Дополнительная информация:

Провинция Фарах.

Провинциальный центр — г. Фарах.

Зона: Юго-Запад.

Уездов: 6.

Волостей: 2.

Уезды: Анардара (Гур-Гак), Калайи-Ка, Лаши-Джовайн, Балабулук (Герани), Баква (Баква), Гулистан (Калай-Нау), Пурчаман (Пурчаман), Пушти-Руд (Масо).

Площадь: 47,8 тыс. кв. км.

Население: 210 тыс. чел.

Население до революции: 250 тыс. чел.

Основные национальности: пуштуны — 168 тыс. (80%), таджики — 31 тыс. (15%), булуджи и др. нац. — 10 тыс. (5%).

Крестьяне: 174300 (83%), рабочие — 60 (0,03%), служащие — 4200 чел. (2%), торговцы — 21000 (10%), ремесленники — 10500 (5%).

Религия: сунниты — 189000 (90%), шииты — 21000 (10%).

Промышленных объектов: 6 (фабрика искусственного льда — 6 чел., электростанция — 3, управление ирригации — 16, управление торговли — 3, склад ГСМ — 2, филиал строительной компании «Гильменд» — 20), всего рабочих — 50.

Имеется грунтовой аэродром, самолетов нет.

Площадь посевов: 23 тыс. га (посевная площадь — 129 тыс. га).

У оперативника, говорил генерал, даже на войне было очень много бумажной работы:

— В течение месяца я должен был подготовить около 20 донесений в Центр: о том, как идет национальное примирение, о каналах связи, о бандформированиях, о местах их базирования, тактике и стратегии мятежных формирований, сведения об агентуре. Эти шифровки постоянно шли в Центр, а информацию мы получали от афганцев в ходе ежедневного общения. Для наших руководителей, как я понимаю, был важен постоянный контроль за оперативной обстановкой. Насколько наша информация использовалась наверху — это вопрос, но то, что она доводилась до военных, политического руководства — это точно.

Допустим, поступала информация от агентов, что из Пакистана идет караван. «Духи», как правило, воевали вахтовым методом: отсиживались в Пакистане, приходили в Афганистан, чтобы провести караван, разгромить какие-то объекты народной власти и снова уйти за кордон... Я спрашивал у афганцев: своих сил достаточно, чтобы уничтожить караван? Нет, отвечают, нужно привлечь советский спецназ. Тогда я выходил на командование советскими войсками и просил привлечь к операции спецназ 40-й армии. Рядом с нами, километрах в девяноста от Фараха, находился отдельный батальон спецназа, которым командовал майор Худяков. Мы с ним поддерживали хорошие отношения, они приезжали часто к нам в гости. Или обращались в штаб 40-й армии с просьбой нанести бомбо-штурмовой удар по месту размещения складов или баз противника. Прилетали самолеты, производили бомбометание. Иногда от «духов» приходила информация: они просили не наносить ударов по каким-то районам, взамен обещали не вести боевых действий.

— Была ли какая-то своя, чисто афганская специфика в работе оперативного состава? — поинтересовался я.

— Подъем был ранний, часов в пять-шесть утра, — смеется Плигин. — Это была одна из особенностей нашей работы. Нигде так рано не ходили на работу, как в Афгане... Вставали, завтракали и шли в МГБ. Все афганские учреждения открывались рано, примерно часов в 7 утра. Стремилась до наступления настоящего пекла — а с утра температура воздуха держалась уже в районе сорока градусов по Цельсию — выполнить основной объем работы. Потом, часов после одиннадцати, возвращались к себе, обедали, отдыхали, и часов с пяти вечера и допоздна засиживались с подсоветными в здании управления.

Когда я приехал в Афганистан в 1987 году, жара уже начала спадать, осенью-весну можно было спокойно работать. А вот все прелести афганского лета я «вкусил» уже в 1988-м.

Если говорить об акцентах в оперативной работе, то учили, прежде всего, серьезно относиться к планированию операций. Мелочей в оперативной работе не должно быть, нужно все учитывать, досконально прорабатывать несколько вариантов развития событий. Вот этому и обучали своих подопечных.

Я приходил к Рафику, он мне рассказывал, какие оперативные мероприятия планирует проводить. Спрашиваю у него: как ты собираешься акцию осуществить, чтобы она принесла результат? Он мне рассказывает. Я вижу, что есть недостатки, но прямо об этом не говорю, предлагаю свой вариант: не попробовать ли нам, Рафик, решить эту проблему по-другому?

К примеру, есть непримиримый кишлак, которым заправляет крупная банда. Как кишлак склонить на сторону народной власти? Рафик намеревался провести боевую операцию в кишлаке или нанести по месту расположения банды бомбоштурмовой удар. Нет, говорю, будут жертвы среди мирного населения, и все это обернется против государственной власти. Нужно со старейшинами поговорить и честно им объяснить: если будете пускать банды в кишлак, то придется привлечь войска, а это нанесет ущерб кишлаку, полям вокруг; вам это нужно?

Давай попытаемся, говорю Рафику, без оружия, оперативными методами решить проблему. Чем занимаются люди, выращивают пшеницу или пасут скот? Есть ли агентура в кишлаке, в бандгруппе? Давали ли ей задания? Что она сообщает? Кто сможет воздействовать на главаря? Кто пользуется авторитетом в его окружении, кого они слушаются? Совет старейшин? Родственников? Есть ли у главаря жена, дети, нельзя ли через них, хотя это и сложно в мусульманской стране, оказать влияние? В чем нуждаются жители кишлака, может быть, оказать им безвозмездную помощь? Давай с губернатором об этом поговорю... Кстати, когда привозили помощь, мы старались вмешиваться в этот процесс, чтобы она доставалась не только родственникам губернатора, но и людям в кишлаках. У них там принято: сначала своих родственников обеспечивай, а потом только тех, кто ниже по служебной лестнице. Сначала между собой разделяют — среди клана, членов НДПА, а потом что осталось — народу.

Так и рассматриваем проблему — шаг за шагом. Рафик соглашается со мной, что не владеет достаточной информацией, что чего-то не предусмотрел. Предлагаю: для того чтобы принять правильное решение, собери информацию у своей агентуры, а потом в совокупности ее рассмотрим и примем окончательное решение. Сбор информации, ее реализация, разработка мероприятий, которые бы привели к ожидаемым результатам, — вот из этого и состояла советническая работа.

Не буду скрывать, против непримиримых главарей, отличающихся особой жестокостью и активно воевавших против правительства, проводили спецакции. На них шли, твердо зная, что это даст результат: и главарь будет устранен, и банда развалена. Как правило, смерть руководителя мятежного формирования, державшего власть в кулаке, практически всегда вела к тому, что банда распадалась.

Спецакции — это то, о чем оперативники не любят рассказывать даже спустя

В. Плигин (второй слева) в провинции Фарах. 1988 г.

годы. О том, какие «мероприятия» проводили в провинции Фарах, Владислав Григорьевич не стал распространяться. В качестве примера поведал о спецоперации, которую провели в одной из провинций его коллеги. Она была направлена против активного главаря бандформирования, с которым не смогли договориться: банда была подготовлена на уровне регулярного воинского подразделения, хорошо вооружена на западные деньги. Поэтому вожак, чтобы не лишиться финансирования из-за границы, не хотел идти на контакт с народной властью и прекращать боевые действия. Те, кто принимал решение, сочли, что единственный способ ликвидации большого отряда душманов — физическое устранение главаря.

Для выполнения задачи привлекли «кровника», у которого погибло несколько родственников от рук этого бандглаваря. Оперативники знали, что всех, кто приходит к нему, тщательно обыскивают, поэтому пронести холодное или огнестрельное оружие не было возможности. У него была усиленная охрана, он часто менял местонахождение своего штаба. Как такого осторожного и хитрого «лиса» убересть?

«Кровника» впустили в дом, обыскали, но оружия не нашли. Когда он оказался в одной комнате с главарем, у него «неожиданно» развязался шнурок на кроссовке. Он поднял ногу в сторону жертвы, пытаясь «завязать» шнурок, и в этот момент сработало взрывное устройство в подошве обуви, начиненное пластидом и осколками: никто из охраны не обратил внимания на «усиленные» подошвы обуви «гостя».

«ЕВРОРЕМОНТ» САКЛИ

В первые дни пребывания в Афганистане новый начальник оперативной группы окинул хозяйским взором вверенное ему хозяйство и... остался недоволен. Как-то необустроенно жили подчиненные: в саклях — неуютно, пыльно, во дворе — высохший бассейн, от солнца укрыться негде, кроме как в душном помещении.

— Мы жили в обычной сакле, огороженной двухметровым глиняным забором. Наверху — колючая проволока, металлические банки, чтобы слышать, если кто

ползет. На входе в «крепость» стояли два сотрудника царанды, которые пропускали к нам людей. Внутри «крепости» было несколько строений: сакля, в которой жили советники по линии КГБ, более просторную виллу занимали партийные советники, пара комнат была у сотрудников разведгруппы ГРУ.

На втором этаже сакли жили шифровальщики, солдаты срочной службы, так называемый «экипаж». Помимо шифровальной работы, на них возлагались обязанности по несению караульной службы. Крупнокалиберный пулемет у них стоял прямо в комнате у окна.

Случаев враждебного отношения со стороны жителей провинции к советникам я не припомню. В кишлаки мы сами не выезжали. Когда я только прибыл в Фарах, думал, что нужно поехать по селениям. А мне руководитель из Кабула говорит: «Зачем? Языка не знаешь, будешь общаться с людьми через переводчика. А кто знает, как он твои слова переводит?» Как-то он сразу мой пыл остудил. По городу ходили и ездили спокойно, не опасаясь за свою жизнь. Из достопримечательностей там был шахский дворец, мы туда комиссии из Москвы водили. За все время пару раз в городе стреляли, да иногда гранату бросят через забор, эрэс прилетит, а так все тихо... Такая обстановка расхолаживала в плане личной безопасности. Так, автомат иногда берешь с собой и все. Даже когда едешь на рыбалку (правда, партийный советник ездил на рыбалку со взводом автоматчиков). Я это объясняю тем, что в этой провинции не было частей Советской Армии, если не считать мотострелкового взвода, который охранял партийного советника. В Фарахруде стоял батальон спецназа, командир — гвардии майор Худяков. У них были «вертушки», своя броня. Они от нас были сравнительно далеко. Что мы, что разведгруппа ГРУ занимались оперативной работой и не принимали участие в боевых действиях.

Так вот, когда я приехал и огляделся по сторонам, то остался недоволен: помещения не очень прибраны, ребята спят на овечьих шкурах. Проблем со стройматериалами не было — предыдущий руководитель был строителем по профессии и сделал такие запасы керамической плитки, обоев, ковров, что грех было их не использовать. Я оклеил свою комнату обоями, отделал плиткой, поставил бак с водой — получился хороший душ. Сказал ребятам: смотрите, как можно жить! И другие по моему примеру стали благоустраивать жилища.

Для афганцев такой ремонт был в диковинку, и полюбоваться на обустроенное жилье приходил даже начальник МГБ.

Проблем с водой не было. Во дворе была пробита артезианская скважина, стоял японский насос. Если бы брали воду в каком-то другом месте, то не исключено, что нас могли бы и отравить — такие случаи по афганским меркам были не редкостью.

Починили бассейн во дворе. Мне сначала все говорили, что он якобы не держит воду, непригоден для использования, я в это сначала поверил, а потом нашел солдата из «экипажа» — мастера на все руки. Парень сельский, мастеровой, с трудовой жилкой, он очистил бассейн от листьев, осмотрел, подремонтировал. Залили воду. Оказалось, что исправно держит воду. Красота! У меня служили офицеры из Казахстана — Талгат и Самат. Почему-то любили спать на улице, и ночью, когда их мошки совсем доставали, они с криком бросались в воду...

После этого «провели коммунистический суботник» на территории: уже совместными силами соорудили навес из цветного шифера во дворе, провели туда воду — устроили фонтанчик, в котором охлаждались арбузы. Занавесили все коврами, и получилась отличная комната на свежем воздухе! Отмечали там дни рождения, принимали высоких гостей... И когда в ноябре 1988 года покидали Фарах, начальник МГБ и губернатор даже спорили между собой, кто займет наши помещения, они им сильно нравились. Обои и керамическую плитку они прежде в глаза не видели.

Снабжение советнических групп было отлажено по следующей схеме. При

Представительство КГБ СССР в Кабуле был самолет, который развозил сотруди-ков по зонам. И раз в месяц облетал все оперативные группы, брал представите-лей, которые получали наше денежное довольствие в Кабуле. Все заранее говори-ли, кто берет «афощками», кто «чеками». Вскладчину закупали продовольствие в кабульском Представительстве, там оно было дешевле. Потом самолет ложился на обратный курс. Так к нам поступали продукты, письма, «зарплата».

Иногда к нам залетали на вертолетах проверяющие, самолеты садились на про-межуточную посадку, и с этими оказиями нам старались подбросить свежие газе-ты, письма. Поскольку по нашим самолетам постоянно велась стрельба, то как только слышался гул моторов, мы сразу же бросались к машине и — на аэродром! Встречать! От нас он был в километрах шести. Самолет достигал Фараха и с боль-шой высоты, с сильным вертикальным креном снижался. К счастью, у нас ни разу не сбивали. Прилет самолета для нас всегда был событием...

Приготовлением пищи по очереди занимались солдаты срочной службы из «эки-пажа», мы им, конечно, помогали. Поскольку в Кабуле закупали в основном про-дукты длительного хранения, то, чтобы разнообразить рацион, завели кроликов, кур. Иногда выезжали порыбачить. Вместе отмечали дни рождения; признаюсь, солдатам иногда разрешал нарушать «сухой закон»...

Над этим, конечно, можно иронизировать — мол, генерал был на войне, а вспо-минает о каких-то мелочах. Но из таких мелочей и состояла наша жизнь... Там, в чужой стране, важно было не только честно выполнять интернациональный долг, но и жить по-человечески, достойно звания советского человека. Афганцы не толь-ко прислушивались к нашим рекомендациям в оперативной работе, но и обраца-ли внимание на поведение шурави в повседневной бытовой обстановке.

ФАРАХ — ЗОНА МИРА

В ноябре 1987 года на совещании оперативного состава в Кабуле, которое про-водил руководитель Представительства КГБ СССР в ДРА Владимир Павлович Зайцев, провинция Фарах была отмечена как первая создавшая на своей террито-рии зону мира. Произошло это 7 октября 1987 года.

Я поинтересовался у собеседника: как не на бумаге, а практически проводи-лась работа по реализации политики национального примирения? Как удалось создать на своей территории зону мира и что это такое вообще?

— Столица давала нам плановые показатели, — рассказал Владислав Григорье-вич. — Работа наша оценивалась по такому критерию: процент кишлаков, кото-рые находятся под контролем государственной власти. Если в провинции большин-ство кишлаков перешли на сторону власти, то такая территория объявлялась зоной мира и там боевые действия не велись. И поэтому нам нужно было достичь опреде-ленного процента «протокольных групп», т.е. бандформирований, которые конт-ролировали кишлаки и подписали соглашения не воевать против народной власти.

Как проводилась работа с мятежными кишлаками? Наши подсоветные выез-жали туда, встречались со старейшинами, вели разъяснительные беседы. Но преж-де чем ехать, обсуждали: чем привлечь их на свою сторону, на каких условиях строить работу с бандами, как им объяснить выгоду от этого? Ведь «духи» воева-ли за деньги, им платили «боевые», и политика национального примирения для них была экономически невыгодной: чем семью кормить? Но, с другой стороны, от войны все устали, хотелось мира.

Естественно, использовали в целях привлечения на свою сторону и такие ак-ции, как оказание безвозмездной помощи жителям кишлаков. Привозили про-дукты, вещи, начиная с галош, стаканов, керогазов. Керогазы для них уже были чудом техники, они их никогда раньше не видели. Это тоже играло свою роль.

Платить большие деньги за переход на сторону власти — такой практики в нашей провинции не было. Достаточно было убеждения.

Приезжая в кишлак, уже представляли, на какие слабости, трудности, особенности нужно сделать ставку, чтобы заручиться поддержкой старейшин, склонить на свою сторону. Старейшин просили убедить главарей: только сложите оружие, прекратите боевые действия, никто вас не будет преследовать. Старейшины на Востоке пользуются уважением, и если мы достигали с ними договоренности, то моим подопечным оставалась только рапортовать.

Мы владели информацией обо всех родственниках главарей банд, знали, через кого можно связаться с ними. Главари бандформирований — ведь тоже люди, они вышли из этих кишлаков, поддерживали со своими родственниками контакты, имели свои какие-то экономические интересы — засевали поля пшеницей, выращивали рис, разводили скот... В крайнем случае можно было пригрозить главарю «спекоперацией МГБ по непримиримым бандгруппам». Они этого опасались, потому что помнили, какая участь постигла того или иного главаря, против которого проводилась спекоперация. В общем, всегда была возможность найти, на чем сыграть.

По количеству кишлаков, подписавших договоры с правительством, мы оказались лидерами, Фарах был объявлен зоной мира. Главная, на мой взгляд, причина такого успеха — не только наша работа, но и отсутствие в Фарахе подразделений Советской Армии. Хотя там и стояла 21-я пехотная афганская дивизия, но она не в счет. В Фарахе не велись боевые действия: наша техника не разрушала дувалы, не вытаптывала поля, мирные жители не гибли на минных полях, во время обстрелов; не было пунктов дислокации частей Советской Армии, т.е. объектов для провокаций со стороны мятежников. Когда батальон майора Худякова перестал ходить на караваны, то и в отношении спецназа стало меньше провокаций. «Духи» поняли, что можно и не воевать.

«ОПЕРАТИВНОЕ» ДЕЛО НА ПОЛСТОЛЕТНИКА

9 апреля 1988 года Плигин отметил свой 50-летний юбилей.

Из Кабула поступила телеграмма: «Приказом руководства ведомства... за долголетнюю и безупречную службу в органах госбезопасности, достигнутые положительные результаты в работе и в связи с 50-летием со дня рождения полковник Плигин Владислав Григорьевич награжден грамотой».

Все серьезно, официально! А подчиненные постарались сделать из этого юбилея праздник. Заготовили шуточный поздравительный адрес в виде оперативного дела «На Полстолетника». С юмором и основательностью, которые способен оценить оперативник-профессионал, собрали справки на юбиляра «из Интерпола», донесения «агентов», шифровки «из Центра». Есть в нем и такие строчки: «...Доподлинно установлено и бесповоротно доказано, что подозреваемый моулави Плигин действительно достиг 50-летнего юбилея. В течение многих лет работал в пользу Шуравейского государства и, будучи руководителем больших коллективов ответственных работников, не в пример другим умудрился остаться Человеком...»

Располагаем точными сведениями, что Полстолетник во время тайных вечере и личных встреч с офицерами Фарахрудского войска вызвал к себе в их сердцах и ушах море уважения и восхищения своим умом, дипломатичностью, коммуникабельностью и умением мягко руководить своим коллективом...

В связи с изложенным полагаем: в زندан за подвиги не сажать и всю оставшуюся жизнь всем присутствующим брать пример с одного».

Шутливый адрес, но как много он может сказать о самом юбиляре, отношениях внутри коллектива советников.

ОПЕРАЦИИ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

— В конце 1988 года мы, советники, попрощались со своими афганскими коллегами и перебрались в Кабул, — вспоминал Владислав Григорьевич о завершении своей миссии в Фарахе... — Когда афганцам стало известно, что советские войска все же уходят, как мне показалось, они были разочарованы: «Вы уходите, нас оставляете». Боевые действия гласно и негласно в это время уже сворачивались, тем более что провинция была объявлена зоной мира. Мы перестали проводить операции по караванам — у нас было шесть караванных путей, которые мы должны были контролировать. Хотя, если говорить откровенно, обстановка была тревожной. И даже в батальоне майора Худякова старались избегать опасности, чтобы зря людьми не рисковать. Им говорили: если вы идете на караван, то должны закрывать зону протяженностью по фронту до шести километров. На прикрытия с воздуха уже не приходилось рассчитывать: «вертушкам» уже сложно было летать, потому что появились «Стингеры»... И военные старались реже ходить на караваны, даже если от них этого требовали. А поскольку они отчитывались о результатах рейдов трофейным оружием, то приходили к нам: дайте ствола три-четыре! У нас трофейного оружия было завалилось! Я даже собрал большую коллекцию — китайские, израильские автоматы, американские винтовки, пистолеты различных марок. Наиболее ценные вывесил на стене сакли — американскую M-16, английский «бур», старинное ружье с прикладом вроде пистолетного. Остальные хранил в... диване. Поднимаю крышку: выбирайте, какое хотите!

Признаюсь, из этого арсенала очень хотелось взять в Союз в качестве охотничьего оружия английскую винтовку «бур». Я ведь старый охотник, люблю хорошее оружие. Исторической ценности «бур» не представлял, чтобы запрещать его к вывозу из страны, но афганские власти почему-то не очень благосклонно отнеслись к моей идее, и я не стал настаивать...

— Не создавалось ли у вас впечатление, когда стало известно о выводе советских войск, что подсоветные вместо реальной деятельности занимались ее имитацией?

— Нет, такого впечатления у меня не возникало. Я знал людей, с которыми работал. Генерал Рафик — ему было лет за тридцать с небольшим, он однозначно был просоветски настроенным. У него была твердая уверенность в *правильности* того дела, которому служит. И в принципе такие люди, как он, могли взять ситуацию в стране в свои руки. Но нужно понимать, что решимость отдельных людей не могла повлиять на общий настрой в стране... Ведь после ухода советских войск наша страна прекратила помощь Наджибулле, хотя финансовая помощь моджахедам с Запада по-прежнему продолжалась.

Мы стремились к тому, чтобы афганцы начали работать самостоятельно. А то ведь раньше: только соберутся что-то делать — сразу приходят за советом. Наши советники помогали разрабатывать операции, подсказывали, когда и с кем вступить в контакт, как уговорить руководителя бандгруппы, чтобы он стал «протокольной группой»: вы нас не трогайте, и мы вас не трогаем. Но это же не могло продолжаться до бесконечности?! Наша задача была — научить их работать самостоятельно, вселить в них уверенность, что они сами могут проводить все эти операции. Считаю, что со своей задачей мы справились.

— Ваш подсоветный — генерал Рафик — был пуштуном?

— Да, пуштуном, но хочу сказать, что видимого разделения на пуштунов и непуштунов в нашей провинции не было. По крайней мере, мне такой информации от подчиненных не поступало. Точно так же как не было деления на суннитов-шиитов. В руководстве НДПА — да, но в самом Фарахе — нет. Тех проблем, кото-

В. Плигин (крайний слева) и специалисты из Киргизии, устанавливавшие в Афганистане телевишки. Фарах. 1987 г.

рые сейчас имеются в Афганистане, тогда на самом деле не существовало. Ни с наркотрафиком — мы даже донесений по этой тематике не готовили, — ни с талибами. Хотя еще в 1987-м мы информировали руководство о том, что это «выкоремыши Штатов» и что нужно обратить внимание на это движение. Если бы в те годы приняли необходимые меры, то смогли бы сдержать развитие угроз, которые есть сейчас.

Кстати, проблема с наркотиками звучала актуально, когда в Афганистан пришли США со своими союзниками. Это стало одним из видов заработка местного населения. Когда там находились советские войска, то с помощью наших специалистов предпринимались попытки оживить экономику. А Штатам же, видимо, это было неинтересно, вот они и стимулировали рост производства наркоты. Вспомнился такой пример: в провинции Фарах работали специалисты из Киргизии, они ставили ретрансляторы для приема программ ТВ по всей территории страны. Для глухой провинции то был прорыв в цивилизацию. Я с этими специалистами лично общался, они приходили к нам в гости... А еще строили дороги, поставляли сельхозтехнику. И когда уходили, то все это оставили им.

— После Фараха вы продолжили службу в Кабуле...

— Мое пребывание в Кабуле совпало с выводом войск. Это был эпилог войны, с соответствующим антуражем и психологическим настроением... Кабульское управление МГБ находилось неподалеку от аэродрома, и когда начинался обстрел, то снаряды ложились и на территорию управления. Естественно, обстрелы случались теперь чаще. Причем, что интересно, мы настраивали приемники на частоты, на которых работали «духи», и слышали, что они корректировали огонь по столице, находясь непосредственно в городе. Как только начинался обстрел, в воздух поднимались «вертушки», старались подавить огневые точки...

Работа в афганских учреждениях стала более напряженной, поскольку приходилось принимать на себя функции, которые раньше выполняла 40-я армия. Управление МГБ в Кабуле было достаточно мощной структурой: тут насчитывалось 19 первичных парторганизаций НДПА общей численностью 624 члена, 130 членов ДОМА (молодежной организации). Но и проблемы уже были: службу проходили 239 офицеров, хотя по штату положено 312 — людей не хватало. Из 78 сержантских должностей были заполнены только 24.

Моим подсоветным был начальник управления, генерал-лейтенант Баки, у него было три заместителя. В чем состояла особенность работы в этот период? В основном все усилия были направлены на обеспечение безопасности Кабула, его инфраструктуры. Поскольку наши войска уходили, стремились к тому, чтобы наши подопечные проявляли больше самостоятельности. Мы имели информацию, что в это время разворачивалась активная борьба за власть, за передел сфер влияния как между главарями бандформирований, так и между подчиненными Наджибуллы. В этот процесс мы уже не вмешивались: это уже была не наша война.

В Кабуле со мной работали Александр Федорович Стрекалев из Тюменской области — он был у меня заместителем, Александр Николаевич Гудень из Минска, Андрей Михайлович Малимонов из Иркутска (героический парень — остался в Афгане еще на три года, у него четыре ордена Красной Звезды и орден Красного Знамени), Валентин Носко из Днепропетровска, Юрий Владимирович Телок из Читы, Николай Ходнев из Кашкардарьинской области, Леонид Леваков, Алексей Буганов, Владимир Шмаков, Лев Корольков — все из Москвы.

— Есть возможность сравнить жизнь в Фарахе и Кабуле. Бросалось ли в глаза различие в образе жизни людей, положении дел на юге и в столице?

— В Фарахе люди жили значительно беднее, жизнь там была дороже. Килограмм мяса стоил 900 афганей, в то время как зарплата преподавателя университета в Кабуле — в пределах 2000. В целом в провинции сохранялся более патриархальный образ жизни, в то время как столица более продвинулась в своем развитии. И вот как раз по столице было видно, что пребывание советских войск имело определенный смысл. Мы несли прогресс в эту богом забытую страну, цивилизацию, хоть чему-то их учили. У них там не было ни дорог, ни предприятий, ни радио, ни телевидения, благодаря нам все это появилось. В Кабул приезжали наши преподаватели, учили студентов. Сложилось бы все нормально, и нам бы удалось поднять Афганистан до уровня советских среднеазиатских республик. К сожалению, повернулось все по-другому...

Мне искренне жалко афганцев, что на их многострадальной земле никак не воцарится мир. Быть может, в самом деле, стоило прислушаться к англичанам, которые говорили после своих неудачных войн в Афганистане, что «это музей Средневековья под открытым небом, и его нужно оставить в покое — пусть живут сами там, как хотят».

СЕМЬЯ И СЛУЖБА

На Родину Владислав Григорьевич возвратился одним из последних «бортов» 31 января 1989 года. Когда самолет пересек Государственную границу СССР, пилоты включили сирену, а пассажиры — «сдвинули стаканы». И поверьте, говорит ветеран, в тот момент счастливее нас не было людей на свете. Живые, на Родину, к близким! Эта картина стоит перед глазами, словно это было вчера.

Какая у Плигина семья, что о ней можно сказать? Жена Ирина Ивановна, дочь Марина, юрист по профессии, сын Григорий, военнослужащий, офицер, внуки...

Владислав Григорьевич очень трогательно рассказывал о своей супруге. Они познакомились, будучи школьниками шестого класса. В то время школы были отдельные — мужские и женские. Подружились, вместе ходили на каток, в театр. 1 декабря 1959 года, когда им было по 21 году, расписались. В тот день, вспоминал Владислав Григорьевич, шел снег хлопьями, на улице была такая чудесная погода! Молодожены купили бутылку коньяка и отметили это событие с родителями...

Короткие штришки человеческого счастья: жили в крохотной комнатке с родителями жены. Даже кровать для дочки негде было поставить: спала в... рас-

крытом кемедане. В тот день, когда родился сын, с тестем были на охоте. И хоть охота была удачной: один добыл 11 уток, второй — 12, но она чуть не закончилась трагедией: их лодка опрокинулась прямо посреди озера.

Где бы ни находился Владислав Григорьевич, он всегда старался 1 декабря преподнести Ирине Ивановне букет живых цветов. Даже будучи в Афгане, не нарушал традиции: просил сослуживцев преподнести от его имени букет.

Старомодная любовь, одна — на всю жизнь. Более шестидесяти лет супружества!..

Говорят, что внуки нам даются в награду за то, что когда-то мы были родителями. Так вот, стоит отметить, что один из внуков Плигина пошел по стопам деда — служит в ФСБ на Дальнем Востоке... Это награда особая.

АФГАН В НАШЕЙ СУДЬБЕ

— Что вспоминает чекист спустя годы после войны?

— Чаще все-таки вспоминается не оперативная работа, а какие-то живые моменты, окрашенные личностными переживаниями. Ведь война — это еще и испытание человеческих начал в каждом из нас, а не только выполнение служебных функций. В каждом из нас заложено что-то мужское-мужичье, и ты проверил себя в боевой обстановке — что не трус, что не спасовал, не испугался и вел себя достойно. Афган — это не тот случай, когда ты прожил два года и забыл о них. Мысленно я часто возвращаюсь к тем годам, к тем людям, с кем довелось там встретиться, — рассказывал о прожитом генерал.

Остались очень теплые впечатления об афганцах, подсоветных. Как сложилась их судьба — не знаю. Слышал, что Рафик смог уехать из страны, был в Москве, что стало с Баки — кабульским генерал-лейтенантом, — мне доподлинно неизвестно, говорили, что погиб.

Если говорить о службе: я был советником начальника управления ХАДа, и когда сам стал начальником УКГБ, то уже с точки зрения новой должности анализировал то, что сам советовал. Размышлял: «Рафика я учил вот этому, а насколько это соответствует тому, что нужно знать и уметь, будучи на этой должности? Правильно ли я наставлял его или нет?»

В то время как-то не обсуждалось: надо было или нет вводить войска в Афганистан, нужна ли была наша помощь афганскому народу или нет? Тогда вопросы геополитики, престижа страны стояли на первом месте: «Если бы вошли не мы, то вошли бы американцы». Никаких сомнений, превыше всего — чувство долга! И я, в самом деле, горжусь тем, что служил в Афганистане. Мы — «служивые люди» и должны выполнять тот приказ, который отдает Родина... Единственное — жалко солдат и офицеров, которые там полегли. Но, видимо, другой возможности разрешить «афганскую проблему», кроме как военным путем, тогда не было. Скептически отношусь к тому, что сейчас говорится в осуждение Брежнева и его окружения. Ведь, как известно, русский мужик задним умом крепок.

...А «афганское» братство на самом деле существует, оно сближает нас, поддерживает в жизни. Я дорожу этой дружбой. Каждый год мы собираемся в конце декабря, общаемся. У нас нет разницы в званиях, в чинах, мы все — «афганцы»!

Этой дружбе Владислав Григорьевич Плигин был верен всегда на протяжении всей своей жизни. Его не стало в сентябре 2023 года.

